

Сознание словно погрузилось на дно многометрового ледяного озера, долго и бесцельно блуждая в тумане. До слуха доносился непрекращающийся завывающий холодный ветер и глухой, хаотичный лязг железа с рудника — всё казалось далеким и неясным.

Веки Байли И отяжелели так, будто к ним привязали свинец. В горле пересохло и саднило, в груди всё еще тупой болью отдавались тяжелые удары дубинки, и каждый слабый вдох отзывался ноющей болью и застарелым оцепенением в поврежденных внутренних органах. Он бессвязно бормотал что-то едва слышным, хриплым шепотом, разобрать который было почти невозможно:

— Я что... умер?..

Он медленно приподнял тяжелые веки, и в глаза хлынул тусклый рассеянный свет, от которого он инстинктивно зажмурился.

Западная стена ветхой, низкой каменной камеры была покрыта пятнами, а поверхность поросла толстым слоем белого инея. Воздух был густо насыщен запахом пыли ориджиниума, ржавчины и едва уловимым привкусом крови. Леденящая, сырая стужа проникала повсюду, пропитывая каждую косточку.

Его охватила предсмертная слабость, но прошлые скитания по ледяным просторам Урсуса, где ему доводилось изо дня в день ходить по краю пропасти, понемногу всплывали из онемевшего сознания.

Он лежал неподвижно, мысленно лихорадочно восстанавливая события: засада, тяжелые удары, грубое волочение, а затем его, словно ненужный мусор, швырнули в эту каморку.

После вихря хаотичных мыслей закаленная в долгих барахтаньях на краю гибели стойкость волевым усилием подавила и физическую боль, и затаившуюся в глубине души апатию.

Байли И постепенно унял слабость во взгляде, в его бирюзовых драконьих зрачках вновь затеплилась прежняя ясность, и он заставил себя собраться с силами.

Он уже давно скитался по этим суровым и холодным снежным равнинам, повидал заглатывающую людей метель, жестокость патрульных и бесчисленное множество молчаливо угасавших бродяг. Инстинкт выживания в экстремальных условиях уже давно вплавился в его плоть и кровь, да и сам он выработал немало способов самозащиты и стрессоустойчивости, так что он вовсе не собирался сдаваться так легко.

Он пошевелил онемевшими конечностями — все суставы невыносимо ломило, а старая рана на затылке все еще тупо побаливала.

Это была узкая и тесная трехъярусная железная койка с жестким матрасом. Пространство

было крошечным, а постельное белье — тонким, жестким, покрытым пятнами и холодом.

Стиснув зубы и преодолевая ломоту во всем теле, Байли И понемногу уперся руками в доски кровати. С трудом и медленно приподнявшись, он осторожно сдвинулся к краю и опустил босые ноги на ледяной, промерзший пол. От ступней к самой макушке тут же метнулась волна холода.

В тот самый миг, когда он кое-как выровнял равновесие, его взгляд случайно упал на прикованные к нему глаза.

Девочка с синими волосами У Сюань сидела на краешке соседней койки, не отрывая на нее взгляда. В глубине ее глаз таились тревога, страх и неверие.

Рядом на холодном полу молча сидел рыжеволосый юноша Ир, прислонившись спиной к ледяной стене. Его лицо было мрачным и напряженным, а взгляд все это время был прикован к Байли И.

Беловолосый парень фелин Ху Ижань тоже тихо стоял неподалеку, а его брови были нахмурены от тяжелой тревоги. Все трое неотступно дежурили у его постели с самого момента, как его принесли сюда.

В этот миг их взгляды встретились, и У Сюань, казалось, наконец очнулась. Ее напряженное тело резко расслабилось, а на лице расцвела озаренная слезами радость. Понизив голос, она с трудом сдерживала волнение:

— Ты очнулся?! Байли И, ты правда очнулся!

В голосе девушки звучали страх и облегчение — она до сих пор не могла до конца отделаться от пережитого ужаса.

Случившееся недавно до сих пор стояло у нее перед глазами: двое здоровенных патрульных с бесстрастными лицами, словно выбрасывая ничего не стоящий труп, грубо волокли тяжелораненого и потерявшего сознание Байли И. Бросив его небрежным движением на жесткую койку этой каморки, они поступили холодно и жестоко, напрочь лишенные человечности.

Все думали, что он не выкарабкается. Никто и помыслить не мог, что всего через полчаса этот балансирующий на грани смерти парень действительно придет в себя.

Незадолго до этого, пока Байли И был без чувств, заглянуть к нему приходил пожилой Зараженный, кое-что смысливший в простых методах лечения.

Он осторожно приподнял веки Байли И, проверил пульс и пару раз надавил на ушибленное

место в груди. Проведя лишь самое примитивное обследование, он тихо покачал головой и тяжело вздохнул, переполненный сожаления.

Этот парень слишком тяжело ранен: повреждены внутренние органы, к тому же он переохладился. Выкарабкается он или нет, останется ли в живых — теперь всё зависит исключительно от его собственной судьбы...

Оставив это бессильное замечание, тот сочувственно взглянул на едва дышавшего Байли И, после чего был вынужден беспомощно развернуться и молча удалиться.

И вот теперь парень, на котором все уже поставили крест, благодаря выкованной в смертельной ловушке закалке умудрился выкарабкаться из пасти смерти.

Холодный, пронизывающий сквозняк проникал через трещину в разбитом окне камеры, принося с собой неотвязный запах пыли ориджиниума, и легко касался прядей волос Байли И.

Он медленно поднял руку, кончиками пальцев осторожно коснувшись раны на затылке. Кожа там по-прежнему саднила, отзываясь тупой пульсацией после удара дубинкой. Боль накатывала волнами, отчего всю голову ломило и распирало изнутри. Тело, только что очнувшееся от предсмертного забытья, оставалось слабым и вялым, а внутренние травмы в груди никуда не делись — каждое малейшее движение отзывалось невыразимой усталостью и ломотой.

Байли И опустил взгляд, пытаясь унять головокружение, и посмотрел на трех ожидавших его товарищей с совершенно разными выражениями лиц. Хриплым и низким от недавно перенесенной болезни голосом он тихо спросил:

— И всё же... что здесь вообще происходит? Где мы находимся? И что нам теперь делать?

Один-единственный вопрос прозвучал как удар, разрушивший хрупкую иллюзию спокойствия.

Свет в глазах У Сюань, еще мгновение назад вспыхнувший от радости его пробуждения, вмиг погас, словно пламя свечи, задутое порывом ледяного ветра.

В чистых глазах юноши и девушки стремительно промелькнула густая пелена мрака — та самая глубоко въевшаяся, уходящая корнями в самую суть апатия и безысходность, что были присущи лишь этой безнадежной каторге.

Она слегка закусил побледневшие губы, ее плечи невольно поникли, и даже те крохи жизни, что еще теплились в ней, окончательно увяли.

Глядя на еще не до конца очнувшегося и не осознавшего реальность Байли И, она заговорила тихо, с подавленной дрожью и бесконечной тоской в голосе:

— Разве ты еще не понял, братец Байли?..

— Мы... мы окончательно свалились в ад.

Ее слова застряли в горле комом, а пронизывающее отчаяние повисло в воздухе тяжелым грузом, от которого не хватало воздуха.

И в этот самый момент гробовой тишины!

Из глубин рудника донесся глухой, массивный и протяжный звон бронзового колокола.

— Бр-ум...

Холодный и гулкий звук пробился сквозь толщу метели и разрушенные стены зданий, мощной волной пронесся по всему жилому сектору рабочих — суровый и торжественный, лишенный всякого тепла, он прозвучал как приговор беспощадной судьбы, отчетливо отражаясь в каждой камере, каждом коридоре и каждом углу.

Это был неизменный побудочный колокол рудника, приказ, которому не смел противиться ни один заключенный, изо дня в день повторяющийся без единого исключения.

В тот самый миг, когда затих колокольный звон, сидевшие до этого молча на холодном полу Ир и Ху Ижань одновременно поднялись.

Они не обменялись лишними словами: на лицах застыло бесстрастное спокойствие, а в глазах залегло тяжелое, неразбавленное горе.

Они привычно стряхнули с одежды пыль и снег, бросив взгляд на бурлящий людьми коридор за дверью. Стало очевидно, что за время беспамятства Байли И они успели изучить все порядки этого чистилища.

Ир обернулся, глянув на еще слабого Байли И, перевел взгляд на унылую У Сюань и, помолчав, тихо произнес:

— Звон к обеду.

Ху Ижань мягко кивнул, его тон был ровным, но в нем сквозила неизбывная тяжесть:

— Мы с Иром первыми встанем в очередь, а вы не спешите.

С этими словами они оба влились в поток понемногу поднимавшихся Зараженных,

молча вышли из камеры и растворились в серой, тесной толпе за дверью.

В тесной камере остались только У Сюань и пришедший в себя Байли И.

Глубоко вдохнув пропитанный пылью холодный воздух, У Сюань попыталась подавить поднявшуюся на дне души безысходность. Подняв глаза на Байли И, она легонько поманила его за собой и тихо сказала:

— Пойдем, братец Байли, я тебя отведу. По дороге... я все тебе здесь по порядку расскажу.

Байли И слегка кивнул и, преодолевая ломоту в теле, неторопливо поплелся следом, покидая эту сырую, тесную каморку.

Картина за дверью оказалась куда более мрачной и удушливой, чем он предполагал.

Бескрайние ряды ветхих, низких каменных хижин тянулись грядой вдаль. Ржавые железные балки, покрытые пятнами стены и промерзшая земля, усыпанная толстым слоем инея, на каждом шагу источали разруху и запустение.

Бесчисленные Зараженные в одинаковых обносках медленно брели по проходам. Никто не разговаривал, никто не шумел — все опустили головы и сгорбили спины, шагая тяжело и отрешенно, словно механические живые мертвецы.

В этом районе не осталось ни малейшего признака жизни, царили лишь бесконечная подавленность и зловещая тишина.

Шагая рядом с плотной, но безмолвной толпой, У Сюань смотрела на окружающие ее удушающие сцены и заговорила вновь, ее голос звучал тихо, как трепещущий на ветру огонек свечи:

— Рудник орджиниума, который ты сейчас видишь — это самая жестокая тюрьма на всем северном Урсусе.

— Сюда ссылают далеко не только обычных Зараженных, пойманных патрульными отрядами.

— Всех, кого империя сочла угрозой порядку, противниками государственной политики, смутьянами или преступниками по самым разным статьям, вне зависимости от их прошлого или происхождения, в конце концов свозят сюда.

Она указала рукой на непрекращающийся поток людей, устремлявшихся вглубь шахт и к рабочей зоне, и ее глаза окончательно заволокло пеплом:

— Люди на воле понятия не имеют об истинном положении дел здесь, но мы видим всё как на ладони.

— Стоит лишь переступить железные ворота этого рудника, и это равносильно смертному приговору.

— Судьба каждого, кто оказывается здесь, обрывается раз и навсегда. Прошрое, прежняя жизнь, все воспоминания — всё аннулируется. Я нахожусь здесь уже столько времени, но никогда, слышишь, никогда не слышала, чтобы кому-то удалось выбраться из этого рудника живым.

Байли И проследил за направлением ее руки: мимо них молча двигались шеренги мужчин-Зараженных.

У них были осунувшиеся лица, ввалившиеся глазницы и землистый цвет кожи, а арестантская роба насквозь пропахла угольной пылью и грязью. На каждом лице запечатлелись предельная усталость, оцепенение и отпечаток тяжелой судьбы.

Долгий тяжелый труд, коррозия оиджиниума, голод и стужа давно стерли в них любые проявления эмоций, оставив лишь пустые, бездушные оболочки.

— Здесь царит строгое разделение труда, — продолжала У Сюань шепотом.

— Все совершеннолетние мужчины-Зараженные ежедневно спускаются в самые глубокие шахты оиджиниума, чтобы вести тяжелейшую добычу руды. Работа идет в несколько смен, днем и ночью, без конца и края.

— Женщинам не нужно спускаться в шахты, но легче им от этого не становится. Стирка, уборка, ремонт барачков, уборка мусора — всю самую тяжелую и грязную работу выполняем мы.

На этом моменте голос У Сюань внезапно оборвался, аура вокруг нее полностью потемнела, опущенные руки прижались к бедрам, и всю ее фигуру пропитали обида, беспомощность и тяжесть.

— Что же касается таких детей, как мы...

— Помимо помощи по хозяйству, стирки и грязной работы, нас каждый день в обязательном порядке гоняют на так называемые занятия.

— Занятия?

Байли И слегка нахмурился, в его груди тут же всколыхнулось сильное чувство фальши и тревоги.

В этом пожирающем людей безнадежном руднике, в этой каторжной преисподней, где на первом месте стояло лишь выжимание всех соков из рабочей силы, откуда могли взяться столь мирные вещи, как учеба?

Практически мгновенно в его голове увязались в цепочку бесчисленные мелкие зацепки, и жестокая разгадка отчетливо проступила наружу.

Не дожидаясь его расспросов, У Сюань сама произнесла эту холодную правду.

— Ты, наверное, уже догадался.

— То, что они называют занятиями, вовсе не обучение грамоте.

— Это непрекращающееся промывание мозгов, дрессировка и моральное подавление.

— Так называемые наставники изо дня в день вбивают нам в головы одну и ту же идею: Зараженные от природы ничтожны, грязны и греховны, они рождены искупать вину. А урусские аристократы, солдаты и порядок — это нечто высшее, абсолютное и непогрешимое, чему нельзя противиться.

— Они твердят нам, само наше существование — уже грех. И единственный наш путь к спасению — послушно трудиться, беспрекословно подчиняться и отказаться от любого сопротивления или капли собственного я.

У Сюань посмотрела на безмолвно бредущих впереди людей, и в ее глазах отразилось абсолютное бессилие:

— К тому же здесь действует крайне соблазнительная, но жестокая система правил.

— На этих занятиях регулярно проводятся проверки. Те дети, которых полностью выдрессировали, которые усвоили всё лучше остальных и демонстрируют максимальную покорность, удостоиваются звания помощников надсмотрщиков.

— Нам обещают: стоит лишь успешно пройти проверку и стать помощником надсмотрщика, как ты не только избавишься от тяжелого труда, но даже твоя семья, оставшаяся на воле и тоже борющаяся за выживание, получит шанс избежать нищеты и преследований и обрести спокойную жизнь.

— Избранные помощники наделяются привилегиями, которых нет у обычных Зараженных.

— Им первыми выдают еду, без ограничений по порциям, и им не грозит голод. У них лучшие условия для жизни — им не нужно ютиться в сырых и полуразрушенных камерах. Им не нужно спускаться в шахты или выполнять тяжелую работу — им достаточно просто стоять рядом и следить за трудом остальных.

— Более того, даже власть над раздачей еды, учетом рабочих часов и доносами на нарушителей правил полностью сосредоточена в их руках.

Тут личико У Сюань окончательно помрачнело. В ее глазах читались разочарование, горькое удивление и безысходность, а голос наполнился глубокой скорбью:

— Но самое ироничное во всем этом...

— Стоит этим бывшим товарищам, выбившимся в помощники надсмотрщиков, заполучить хоть каплю ничтожной власти, как они начинают относиться к нам, обычным сородичам, даже хуже, чем патрульные — проявляют еще больше мелочности, придирчивости и холодной жестокости.

— Они сами бросаются помогать солдатам гнобить других, придираясь по пустякам и помыкая людьми просто ради того, чтобы угодить начальству и удержать свои жалкие привилегии.

Слушая те жестокие правила, что неспешно перечисляла девушка, Байли И хмурился всё сильнее.

Идеологическая обработка в стиле промывания мозгов, отбор верных цепных псов из низов, использование семей в качестве заложников для удержания заключенных, разделение и подавление низов с помощью микропривилегий...

Эта жестокая и отлаженная система порабощения, многослойные каковы, пошаговые манипуляции, доведенные до абсолюта сегрегация, эксплуатация и дрессировка — всё это вызывало у него какое-то странное, смутное чувство дежавю.

Это ощущение знакомости проистекало вовсе не из нынешнего рудника, а тянулось из глубин его собственных затуманенных, разбитых на осколки воспоминаний.

Казалось... где-то он уже сталкивался с точно такими же правилами.

Мрак, противостояние, отбор, дрессура, угнетение слабого сильным, взаимное истребление...

Что же это... было такое?

Где-то в глубинах сознания замаячило смутное определение, легко скользнув по поверхности

разума — его не получалось ухватить или разглядеть толком.

Неужели... Игры знаков Зодиака?

Он уже совершенно ничего не помнил.

Осколки воспоминаний были словно затянуты толстым слоем льда: как бы он ни напрягал память, перед глазами оставалась лишь туманная белая пелена, да едва уловимый след ледящего душу холода, затаившийся на дне сердца.

Впереди простирался лишь тусклый мрак, тюрьма-чистилище и многослойные оковы, которые уже давно намертво заперли их в ловушке.

<http://bllate.org/book/22376/2347543>